

Информационное поле как поле боя

Несмотря на вторую волну COVID-19 с 9 по 12 ноября в Санкт-Петербурге все же состоялся форум «Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения». Для участия в нем приглашался и представитель Военного информационного агентства Вооруженных Сил Республики Беларусь «Ваяр», однако судьба распорядилась иначе: визуального общения не получилось, а вот онлайн-обсуждения во время видеоконференции затронули многие стороны современной жизни. При этом актуальность вопросов, заданных на форуме, напрямую касается и нашего бытия. Одна из тем, обсуждавшихся на форуме, — «СМИ в современных информационных войнах». Круглый стол на эту тему собрал экспертов из разных стран. Они обсудили теорию и практику использования информационного пространства в современных политических и военных конфликтах. На основе анализа событий XXI века была оценена роль СМИ и социальных сетей в создании хаоса в государстве и гражданских конфликтах. Здесь мы представим выдержки из выступлений некоторых участников круглого стола.

■ Тамара Якова, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова:

«Массмедиа в XXI веке являются важнейшим участником международных конфликтов, способным влиять на характер их развития. В зависимости от задач массмедиа могут способствовать обострению ситуации или, наоборот, содействовать разрядке напряженности и разрешению проблемы. В теории миротворческой журналистики два противоположных подхода к освещению войн, кризисов, конфронтаций и противоборств получили названия «журналистика мира» и «журналистика войны».

Теория миротворческой журналистики классифицирует основные принципы «журналистики войны»: ориентир на войну, ориентир на пропаганду, ориентир на элиты, ориентир на победу. У «журналистики мира» — ориентир на мир, ориентир на правду, ориентир на людей, ориентир на решение проблемы.

Недавно мы провели исследования таких изданий, как New York Times, Foreign Policy, Guardian, BBC. Анализ контента продемонстрировал, что большинство публикаций — около 70% — не соответствует критериям «журналистики мира»: нарушается принцип баланса освещения мнений. В первую очередь акценты расставляются с точки зрения интересов стран, которым принадлежат массмедиа. И только потом речь идет об участниках конфликта или миротворцах. Просматривается ангажированность СМИ теми или иными политическими силами, ограниченность мнений. Сравнительный анализ публикаций российских массмедиа («Известия», «Коммерсант», «Независимая газета») показал большую приверженность принципам теории миротворческой журналистики, что частично объясняется субъективными причинами, связанными с темой российских инициатив в урегулировании конфликта».

■ Мария Савельева, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова:

«В последние годы растет число научных работ, посвященных проблеме информационных войн, где за ширмой абстрактных теорий информационного противоборства остаются без внимания человеческие жертвы. Именно человек, являясь непосредственным объектом информационного взаимодействия, превращается в мишень для различного рода угроз информационно-психологической безопасности».

К их числу можно отнести применение информационных средств деструктивного воздействия, ориентированных на разрушение базовых качеств (целеустремленность, рефлексия, коммуникативность, планирование). Сегодня главной особенностью таких средств является опора на системы искусственного интеллекта и следование принципу целостности восприятия гештальтпсихологии, которая объясняет подверженность человека фейк-индустрии. Здесь следует выделить относительно новый феномен — дипфейк. Технология дипфейков представляет собой реалистичные манипуляции аудио- и видеоматериалами с помощью нейросети. Жертвами дипфейков становятся публичные личности, в основном политики, чьи изображения имеются во множестве в открытом доступе.

Другой современный механизм — «информационный джерримендеринг», феномен в социальных сетях, получивший название по аналогии с известным явлением в избирательных кампаниях. Этот прием означает, что немногочисленная группа сторонников той или иной точки зрения может менять каналы распространения информации таким образом, что их взгляды будут казаться позицией большинства. Это достигается за счет использования провокационного эмоционального контента, легко запоминающегося и воспроизводимого аудиторией».

Еще один актуальный информационный прием, когда для управления общественным мнением используют публичных личностей из шоу-бизнеса, которые активно ведут свои социальные сети. Они имеют огромное количество подписчиков и могут транслировать определенный взгляд на то или иное общественно-политическое событие. Во многом благодаря этому мы видим сегодня, как «кумиры» становятся политиками и даже президентами, что в дальнейшем может сделать эту нишу еще более доступной и театральной».

Большинство исследователей, изучающих проблему информационного воздействия на сознание, считают, что построение системы информационной защиты является одной из наиболее трудных задач...»

Среди современных инструментов борьбы с негативными последствиями информатизации нами не было выявлено ни одного действенного средства. В настоящее время отсутствует эффективная система информационно-психологической безопасности. При этом совершенно не учитывается психологический характер распространения информационных угроз».

Анализ современных информационно-психологических механизмов воздействия показал, как информационное пространство меняется на наших глазах: обесценивается не только истина, но и человек — участник информационного процесса. Сегодня его с легкостью может заменить искусственный интеллект, что является не просто угрозой идентичности — угрозой гуманизму в принципе».

■ Антон Князев, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва:

«Анализ зарубежных теорий борьбы в информационной сфере показывает, что признанным лидером в этой области являются США. В этой связи для анализа использования СМИ в информационных операциях будут использованы положения американского наставления (оригинальное название — «Объединенное (совместное) издание») JP 3-13 «Информационные операции» с правками и уточнениями 2014 года».

Информационные операции в этом документе определяются как «комплексное применение в ходе военных действий информационно-сопряженных возможностей, согласованное с порядком выполнения других задач (операции) и нацеленное на воздействие, срыв, повреждение или перехват процесса принятия решений противоборствующей стороной и потенциальными противниками одновременно с обеспечением безопасности своих сил в данной области».

Значительное место отведено определению предметной области информационных операций — информационной сфере (The Information Environment). По взглядам американских специалистов, информационная сфера представляет собой «совокупность отдельных лиц, организаций и систем, собирающих, обрабатывающих, распространяющих информацию или действующих на ее основе». Особое значение в ее структуре придается познавательной области, которая охватывает разум людей, передающих, получающих, реагирующих на информацию или действующих на ее основе».

Ключевым понятием, также подробно раскрываемым в объединенном издании JP 3-13, является «целевая аудитория» — «человек или (социальная) группа, определенная для воздействия». В зависимости от степени влияния на процесс принятия решений, наличия уязвимостей и количественных характеристик целевые аудитории разделяются на ключевые объекты, уязвимые группы населения и массовые аудитории».

...Анализ функционального предназначения сил и средств информационных операций Вооруженных Сил США позволяет выделить следующие элементы, ведущие воздействие с помощью СМИ: стратегическая коммуникация; деятельность объединенной межведомственной координационной группы в интересах информационной операции (касающаяся использования возможностей других ведомств и организаций); операции военно-информационного обеспечения (ранее — психологические операции); операции в киберпространстве; специальные технические операции; взаимодействие с первыми лицами».

■ Евгения Овасафян, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина:

«Журналистская деятельность играет огромную роль в регулировании международных конфликтов. Это связано с тем, что СМИ являются инструментом манипулирования, способствуют формированию представления о конфликте, конкретной картины мира у людей».

Анализ опыта разрешения вооруженных конфликтов и локальных войн на рубеже XX–XXI веков показывает, что наибольшую эффективность информация имела тогда, когда сообщалась населению и личному составу вооруженных формирований о причинах и истинных целях борьбы. Эта мера приносила высокую результативность как на мирных фазах, так и в периоды вооруженных столкновений».

Исследования показали, что следующими по результативности идут психологические операции по предотвращению разжигания национальной вражды, шовинистических, националистических и других деструктивных настроений. За ними следовали меры по срыву психологических операций на международном уровне и внутри страны. Эти меры особенно были эффективны на мирных фазах развития конфликта. Важным направлением деятельности СМИ являлось и информационное воздействие на государства с целью их воздержания от помощи противоборствующим странам».

Исследователи подчеркивают, что особенно высока результативность СМИ в урегулировании конфликта при комплексном и всестороннем воздействии на общественное сознание, на его конкретных участников для конструктивного завершения. Публичное обсуждение спорной ситуации является важным способом прекратить развитие конфликта».

■ Олег Тепляков, Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России:

«Использование информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями ослабляет систему глобальной информационной безопасности. По мнению исследователей, это ведет к хаотизации и глобальной нестабильности в мире. В результате обостряются международные и внутренние конфликты, разрушаются государства, возникают безвластные территориальные образования, где главенствует анархия и ведется вооруженное противостояние «всех против всех», непременным «участником» современных террористических акций становятся СМИ».

Смысл современного теракта — не убийство, а вызываемый этим убийством страх. Терроризм нуждается не просто в очевидцах, а в запуганных свидетелях. И чем больше таких свидетелей, тем больше становится «критическая масса» страха, который превращается не просто в коллективную эмоцию, а в основной инструмент политического воздействия. В переполненном насилием мире любая террористическая акция по-прежнему является сенсацией, а ради сенсации конкурирующие между собой СМИ готовы на все».

«Медиа-терроризм» является компонентом информационной войны. Его цель — сеять хаос в общественном сознании и создавать необходимые условия для скрытого управления культурно-мировоззренческой сферой, для изменения ментального кода объекта информационно-психологического воздействия. Эти направления информационного воздействия приводят к общественно-политическому и экономическому коллапсу, а затем к уничтожению традиционных духовных и культурных ценностей народа. В свое время премьер-министр Великобритании М. Тэтчер отметила, что медиаструктуры являются «кислородом для террористов».

Сравнением СМИ формировалась концепция террора. Так, крупнейшая российская террористическая организация XIX века «Народная воля» имела не только свои информационные ресурсы в виде газет и брошюр, но и поддерживала контакты с ведущими изданиями. «Димитрия война» американских сторонников независимости Ирландии против Британской империи в 1880–1890 годах также характеризовалась активным привлечением медийных ресурсов США и Европы».

Сегодня стратегия «медиа-терроризма» с учетом информационно-коммуникационных технологий выводит информационную войну на более высокий качественный уровень. Эти технологии позволяют террористам активно собирать и распространять информацию, вести общение участников террористических организаций, обмениваться опытом, а также вербовать и обучать новых рекрутов».

Несмотря на наличие сформированной антитеррористической системы в мире реальность вносит свои коррективы. Новые угрозы, исходящие от террористов, показывают, что противодействовать этому деструктивному явлению только силами спецслужб недостаточно. Для адекватного реагирования на «медиа-терроризм» необходимо совместными усилиями на всей территории информационного пространства формировать в общественном сознании негативное отношение к различным проявлениям экстремизма, цивилизованные взгляды на природу происхождения этого деструктивного феномена. Подобный подход позволит воспитать у общества непримиримое отношение к терроризму».

■ Евгений Михеев, Институт психологии Российской Академии наук, г. Москва:

«В последнее время в мире отмечается рост числа информационных угроз. Это связано с развитием новых технологий, а также с актуализацией глобальных рисков человечеству, с которыми информационно-психологическое воздействие тесно связано».

Отличие от классических информационных операций в интернете имеют ряд особенностей. Они начинаются с целенаправленного сбора информации, в том числе с применением фишинговых сайтов, взлома и перехвата аккаунтов, кражи личных данных. На втором этапе генерируется контент: распространяются истории для прессы, мемы, создаются фейковые аккаунты и боты. На третьем этапе происходит амплификация лжи, то есть через созданные фейковые аккаунты, «бригады троллей» и боты распространяются мемы, создаются вымышленные группы, осуществляется спам комментариев».

Информационная операция проводится как автоматизированными «социальными ботами», так и через ручное управление реальными людьми. Они имеют хорошую координацию, владеют иностранными языками и базовыми знаниями о политической ситуации страны-мишени. Операция может иметь долгосрочную перспективу и быть растянута во времени. Это отличает инициаторов операций от обычных спамеров или «накрутчиков лайков», которые пытаются извлечь выгоду за короткий промежуток времени».

Информационные операции часто являются частью информационной войны, ведущейся между геополитическими противниками с использованием технологий искусственного интеллекта и различных тактических приемов, таких как дипломатия и репутационные манипуляции или компьютерная пропаганда».

■ Яна Ларина, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва:

«Историческая политика — это целенаправленное конструирование и использование в политических целях коллективных представлений о прошлом. Продвигая или поддерживая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты преследуют внутри- или внешнеполитические цели, например, оправдать принимаемые решения или продемонстрировать несостоятельность оппонентов».

Использование прошлого и определенных исторических сюжетов, событий, примеров для решения практических политических задач сопрягается с проблемой эксплуатации в политике образа «чужого» и образа «врага», которые существуют как набор латентных базовых этнических стереотипов и могут быть актуализированы в моменты социокультурной конфронтации при помощи пропаганды в публикации и СМИ».

В настоящее время политики, ученые и журналисты открыто говорят о «войнах памяти», а историческая политика стала одним из направлений информационной войны. Например, в шведских СМИ регулярно появляются публикации, в которых необходимым образом интерпретированный исторический пример служит для поддержания доминирующей официальной точки зрения о дестабилизирующем влиянии России в Балтийском регионе, Арктике и мире в целом».

Рост числа подобных публикаций в 2018–2019 годах произошел на фоне обсуждения необходимости беспрецедентного повышения военного бюджета, реорганизации вооруженных сил и выработки новой концепции политики национальной безопасности. Это позволяет говорить о попытке актуализировать образ «российской угрозы» и повлиять на общественное мнение в преддверии решения этих вопросов. Помимо других инструментов, для этого применяются избирательный подбор исторических аналогий и трактовка исторических событий в контексте современной внешнеполитической повестки».